

Е.А. Широкова

ГЕНЕРАЛ А.А. ФОН ЛАМПЕ И ЕГО ДНЕВНИК: ВЗГЛЯД НА ВОЕННУЮ ЭМИГРАЦИЮ

Захват власти в России большевиками и последовавшая за ним Гражданская война 1917 - 1920 гг. привели к тому, что огромная масса вчерашних полноправных граждан оказалась выброшенной из страны без средств к существованию и обреченной на положение бесправных эмигрантов без Родины и без будущего.

Наиболее многочисленной была так называемая “военная” эмиграция - бывшие солдаты и офицеры белых армий, которые продолжали считать себя защитниками свободной России и не смирились с положением побежденных, надеясь вернуться на Родину в качестве ее освободителей.

Именно эта часть эмиграции оказалась совершенно неспособной к ассимиляции и “распылению”, продолжала жить своей жизнью и вызывала наибольшие опасения не только у новых “хозяев” России, но и у правительств бывших союзных держав.

После вывода оставшихся в живых защитников Крыма и рассредоточения их в тех странах Европы, которые пожелали дать приют белым воинам, П.Н. Врангелем в 1924 г. был создан “Русский общевойсковой союз” (РОВС) - организация переведенной на самообеспечение армии. В каждой из стран действовали офицерские и другие союзы, объединявшие русских военных, находящихся на их территории. Союзы, в свою очередь, были объединены по территориальному принципу в отделы, во главе которых стояли старшие офицеры РОВС, как правило, известные белые военачальники.

Во главе 2-го отдела организации, имевшего свою штаб-квартиру в Берлине, столице страны, наименее лояльно настроенной к российской военной эмиграции, стоял генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе.

В течение двадцати лет своего пребывания в Берлине в качестве главы 2-го отдела РОВС он вел подробный дневник и сохранял всю свою служебную и личную переписку с целью использовать накопленный материал для написания воспоминаний. Однако его надежды на получение доходов от публикации своих мемуаров не оправдались. И более известные лидеры Белого движения после выхода первых воспоминаний о Гражданской войне не могли рассчитывать на подобающее вознаграждение.

Не имея возможности хранить весь комплекс собранных за долгие годы документов у себя дома, фон Лампе заключил договор с Русским заграничным историческим архивом (РЗИА) в Праге о хранении своего фонда. В итоге после Второй мировой войны его дневники и переписка в составе РЗИА попали в СССР и были навсегда потеряны для своего создателя.

Исследователи эмиграции не раз обращались к дневникам и переписке фон Лампе как к уникальному источнику по истории российских военных организаций за границей, а также быта военной эмиграции в 20 – 30-е гг.

Личность самого автора дневников и собирателя материалов советской историографией, по вполне понятным причинам, воспринималась весьма однозначно: фон Лампе принадлежал к верхушке военной эмиграции и поэтому считался “врагом”, одним из тех, кто покушались на устои “самого передового в мире” государства. Но несмотря на такое отношение, его имя уже фигурировало в неизвестной монографии Л.К. Шкаренкова¹, который неоднократно ссылался на дневниковые записи, переписку и другие документы его личного фонда.

Позднее, уже в период “постсоветской” историографии и горячего интереса ко всем аспектам политической, общественной и культурной жизни эмиграции, о фон Лампе, как и о других участниках Белого движения, стали появляться первые объективные публикации. В основном это были краткие биографические справки, помещенные в различных сборниках документов и справочных изданиях о Белом движении и эмиграции. Но справки эти лишь в общих чертах отразили внешнюю, “официальную” сторону его долгой и яркой жизни.²

К сожалению, исследователи, столь тщательно изучавшие фактографическую сторону жизни эмиграции на основании информации, представленной дневниками, перепиской и другими документами фонда фон Лампе, совершенно, как нам кажется, не давали себе труда взглянуть на имеющиеся в их распоряжении источники как на источники *личного* происхождения, которые позволяют пересмотреть некоторые уже устоявшиеся стереотипы в восприятии личности их создателя. В качестве первого шага в этом направлении необходимо детально изучить биографию фон Лампе.

Некоторые сведения биографического характера представлены в показаниях, данных им немецкой политической полицией в 1925 г.³

Алексей Александрович фон Лампе родился 18 июля 1885 г. в местечке Вержболово (Литва) в семье жандармского полковника. Род его происходил из Гамбурга; прадед со стороны отца приехал в Рос-

сию в эпоху наполеоновских войн и поступил на службу в русскую армию. Со временем семья утратила все связи с родиной предков, и поэтому, оказавшись в Германии, автор дневников чувствовал себя в полной мере в изгнании. В начальный период эмиграции он с большим трудом изъяснялся на немецком языке и даже брал уроки, так как в семье говорили только по-русски.

Поскольку никаких особенных талантов в своем единственном сыне родителям фон Лампе раскрыть не удалось, они решили, что Алексей должен стать офицером и постарались дать ему соответствующее образование: с 1895 по 1902 г. он учился в 1-м кадетском корпусе в С.-Петербурге, после окончания которого поступил в Николаевское военное инженерное училище. В 1904 г. он был произведен в офицеры и отправлен на Русско-японскую войну, в которой принял участие в рядах 6-го саперного батальона. Был ранен и контужен.

С 1907 г. фон Лампе служил в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1910 г. поступил в Императорскую Николаевскую военную академию, по окончании которой был приписан к Генеральному штабу.

В 1912 г. он женился и в декабре 1914 г. его жена Наталья родила дочь, названную Евгенией.

С начала Первой мировой войны фон Лампе, открывший в себе склонность к литературной работе, вел служебный дневник, надеясь, что когда-нибудь он пригодятся для написания воспоминаний. Дневники 1914 - 1918 г. он оставил на хранение одной своей знакомой в Харькове, но все они бесследно исчезли (скорее всего, погибли) во время Гражданской войны. Будучи в эмиграции, фон Лампе пытался пролить свет на судьбу оставленных в Харькове бумаг, но ничего определенного узнать не удалось.

С 1916 г. он исполнял должность штаб-офицера для поручений при штабе 18-го армейского корпуса. В 1917 г., благодаря родственным связям жены, оказался в Харькове, где приступил к редактированию газеты "Возрождение".

В Харькове после Октябрьского переворота 1917 г. скрывались многие офицеры Генерального штаба. Большевики активно пытались привлечь на свою сторону кадры старой армии, особенно офицеров Генерального штаба. Один из перешедших на службу к Советам офицеров назвал "вербовщикам" в Красную армию фамилии и адреса всех офицеров Генерального штаба, которые находились в 1918 г. в Харькове. Фон Лампе наотрез отказался от предложения о сотрудничестве с новой властью, но через "вербовщика" ему удалось узнать, что в городе находится его давний знакомый Б.А. Штейфон.

Когда Харьков был занят немецкими войсками, Штейфон, фон Лампе и еще несколько офицеров создали подпольную организацию и начали работу по пополнению Добровольческой армии офицерскими кадрами. Однако немцы их скоро обнаружили, поэтому после занятия частями Добровольческой армии Екатеринодара все они постепенно перебрались туда, причем фон Лампе с семьей (женой и дочерью) - в числе первых.

Генерал М.В. Алексеев оценил их услуги высоко и фон Лампе остался при штабе армии. С сентября по декабрь 1918 г. он редактировал газету "Россия", которая после запрещения ее кубанскими властями 14 декабря 1918 г. стала выходить под новым названием - "Великая Россия". В 1919 г. был произведен в полковники. С мая 1919 г. служил начальником оперативного отдела штаба Кавказской армии, с ноября по декабрь - начальника оперативного отдела штаба Добровольческой армии. В конце декабря 1919 г. был прикомандирован к военному представителю главнокомандующего Вооруженными силами на юге России в Константинополе и в марте 1920 г. выехал в Константинополь.

Это было началом эмиграции для фон Лампе. Если не считать двух служебных командировок в Крым весной - летом 1920 г., в Россию он никогда более не возвращался.

Миссия представителя генерала Н.Н. Шиллинга в Константинополе должна была сводиться к переговорам с союзниками о поставке угля для эвакуации Новороссийска. Но так как Новороссийск был занят красными сразу же после прибытия фон Лампе в Константинополь, а штаб генерала Шиллинга существовать перестал, в Крыму о представителе забыли (или вовсе не знали), он не получал никаких распоряжений, поручений, а так же и жалования.

По поручению генерала А.С. Лукомского, направленного в апреле в Константинополь новым главкомом ВСЮР генералом П.Н. Врангелем, фон Лампе занимался делами беженцев, размещенных союзниками на Принцевых островах. Его дневники константинопольского периода полны описаниями бедствий русских беженцев из Одессы, Новороссийска и других городов.

Будучи одним из членов Комитета по делам беженцев, созданного при представительстве ВСЮР в Константинополе, автор дневников постоянно бывал на островах Халки, Принкипо, вел переговоры с союзниками по вопросам содержания беженцев. Все эти люди, как бывшие военные, так и гражданские лица, бежавшие от большевиков и размещенные теперь на малопригодной для жизни территории, оказавшись в условиях, отличных от их прошлой, привычной

жизни, вовсе не стремились как-то адаптироваться к новой для них ситуации. Уверенность в скором возвращении на Родину отодвигала в сторону на протяжении длительного времени заботы и мысли о том, как устроить свою жизнь на чужбине. Эта тенденция отчетливо проявляется и у автора дневников: масса беспокойства об оставленной в Питере квартире, осуждение тех, кто остался под большевиками и никаких реальных планов на будущее...

После ухода от дел А.И. Деникина и назначения на пост главнокомандующего ВСЮР П.Н. Врангеля фон Лампе не решился поехать с армией и перейти на “беженское положение”, как это сделали многие офицеры, которые считали нелепой перспективу продолжения вооруженной борьбы в сложившихся обстоятельствах.

В мае 1920 г. фон Лампе был направлен Врангелем для работы в военных представительствах в Данию и Германию.

В начале декабря 1920 г. приходит весть о “крымской катастрофе”. Для фон Лампе, как и для всех русских, сражавшихся за Белое дело, было ясно, что это именно катастрофа, что пути назад нет, хотя все еще оставались надежды и иллюзии, что не все потеряно, так как Врангель сумел вывезти основные силы армии.

В конце декабря 1920 г. фон Лампе получает вызов в Константинополь для замещения там должности помощника военного агента. Поэтому он покидает Копенгаген и едет в Константинополь через Берлин, Вену, Белград и Софию. Но место помощника военного агента к моменту его прибытия в Константинополь оказалось уже занятым и Врангель направил его своим военным представителем в Венгрию.

В начале 1921 г. в планы командования Русской армии входило размещение на венгерской территории, с разрешения вполне лояльно настроенных к белым властей, той части армии, которая находилась в лагерях Галлиполи, ибо условия жизни там ставили под угрозу само существование армии как боевой силы. Именно этого разрешения и должен был добиться фон Лампе. Но переговоры о переброске армии из Галлиполи окончательно зашли в тупик уже осенью 1921 - зимой 1922 гг. Хорти решил не принимать “столь беспокойных гостей”, поставив предварительно в вину русским офицерам их службу в сербской армии - в армии враждебного Венгрии государства. Дело кончилось тем, что из Константинополя пришло распоряжение о прекращении переговоров, так как части Русской армии уже размещались в Болгарии и Королевстве Сербов, Хорватов, Словенцев.

Летом 1922 г. фон Лампе сменил на посту представителя Врангеля в Берлине своего предшественника И.А. Хольмсена, сохранив за собой статус военного представителя в Венгрии. Таким обра-

зом, с 1922 по 1924 гг. он являлся одновременно главой двух представительств, постоянно проживая в Берлине и выезжая в Будапешт два раза в год. От своего заместителя В.А. Иловайского он получал сводки и отчеты о делах венгерского представительства.

Главным центром скопления эмигрантов уже к 1923 г. стал не Берлин, а Париж. Штаб армии, ссылаясь на отток военных из Берлина, сократил финансирование представительства в Германии и состоящего при нем Красного Креста, из фондов которого выплачивались суммы престарелым, больным и т.д. Уезжали многие знакомые фон Лампе, бывшие сотрудники представительства, уехала вместе со своим мужем и его сестра – В.А. Мельницкая. Вскоре Мельницкие обосновались в Париже, а материальные обстоятельства семейства фон Лампе настолько пошатнулись, что он вынужден был перебраться на другую квартиру, так как не мог в одиночку оплачивать прежнюю. Несмотря на все это, фон Лампе твердо решил не покидать “родину предков”.

Хотя, скорее всего, основной причиной того, что фон Лампе, в отличие от всех его родственников и друзей, напуганных материальными лишениями, не уехал в 1923 г. в Париж, было незнание французского языка. Следствием этого обстоятельства могли стать основательные трудности с поиском работы во Франции, тем более, что он вполне отдавал себе отчет и в том, что как представитель армии в Берлине он имеет авторитет и какие-то ассигнования от командования. В Париже он бы стал одним из многих беженцев, вынужденных братья за любую работу ради куска хлеба.

Как лицо, стоящее во главе военных организаций в Берлине, фон Лампе в 1923 г. принимал участие в работе “Комитета по вывозу русских студентов с Балкан и содействия им в получении образования в Германии”, созданного по инициативе профессоров Русского научного института и лидеров военной эмиграции. Ему удалось “выбить” более 50 вакансий в институте для бывших офицеров и юнкеров белых армий, которым необходимо было завершить образование даже в экстремальных условиях эмигрантской жизни. В ходе переговоров о юнкерах с руководством института он столкнулся с сопротивлением демократически настроенных профессоров во главе с ректором Ясинским. Они решительно не хотели иметь никаких дел с военной эмиграцией врангелевского толка и вмешиваться в какие-либо политические игры, связанные с армией. Но фон Лампе поддержали на заседаниях комитета представители Красного Креста и Земского союза. Действенную помощь оказал и известный философ профессор И.А. Ильин - один из ведущих идеологов Белого движения.

В итоге с 1924 г. офицеры и юнкера начали свое обучение в институте. Для содействия их обучению был создан “Комитет помощи студентам-эмигрантам”, действовавший под покровительством РОВС и русского Красного Креста в Берлине.

В 1928 г. комитет осуществил любительскую постановку пьесы М. Булгакова “Дни Турбиных”. В берлинской эмигрантской колонии пьеса имела огромный успех. Фон Лампе выступал в качестве военного и исторического консультанта при постановке спектакля и был вынужден в последствие “отбиваться” от претензий бывшего гетмана Украины П.П. Скоропадского, проживавшего тогда в пригороде Берлина Ванзее.

Что же касается политической ориентации представительства армии в среде эмиграции, то фон Лампе более всего желал объединения всей военной эмиграции под флагом “умеренного монархизма” врангелевского толка. Но даже монархическая эмиграция в Европе в 20 – 30-е гг. была слишком разобщена и сориентирована на разные центры и разных лидеров. Особенно заметно это разобщение было не только в Париже, но и в таком все еще крупном центре сосредоточения русских эмигрантов, как Берлин. Здесь одновременно действовали представители Врангеля, заявившего 5 мая 1923 г. о подчинении армии вел. кн. Николаю Николаевичу, Высший монархический совет во главе с небезызвестным деятелем Н.Е. Марковым, выступавший с крайне правых позиций и отрицавший какую-либо роль армии и Врангеля в будущей России, а кроме них - представители германофильствующего вел. кн. Кирилла Владимировича, объявившего себя уже не “местоблюстителем”, а “императором всероссийским”.

Между “николаевцами” и “кирилловцами” развернулась открытая борьба за влияние на военные организации. Масла в огонь старательно подливали лидеры Высшего монархического совета, призывая сместить Врангеля и подчинить всю эмиграцию “диктатору”, на роль которого претендовал все тот же вел. кн. Николай Николаевич. Фон Лампе не мог согласиться с такой позицией Высшего монархического совета. В конце 1923 г. он подготовил специальный доклад о деятельности совета и представил его лично Врангелю. Доклад откровенно напоминал донос. Кроме того, произошла утечка информации и об этом строго конфиденциальном докладе узнал сам Н.Е. Марков и его сторонники. Отношения с советом были окончательно испорчены, а после совещания старших военных начальников в ставке главнокомандующего в Сремских Карловцах, в Сербии, которое происходило в середине декабря 1923 г. под председательством Врангеля, произведенный в генерал-майоры фон Лампе неоднократно слышал версии

причин своего производства, связанные с “доносом” командующему на Высший монархический совет.

Эти слухи активно муссировались в военных эмигрантских кругах Берлина, настроенных против врангелевцев, но фон Лампе считал их недостойными внимания, а свое производство воспринял без особенного восторга: “Как было бы приятно быть в 38 лет генералом в нормальное время, и как это мало нужно сейчас! На поздравления ответил, что Карловцы - это единственное место, где меня поздравляют, во всех остальных будут смеяться!”⁴

Конечно, причина его производства в генеральский чин имела и формальную сторону: Врангель и его ближайшее окружение уже работали над проектом реформы военных представительств, то есть трансформации армии в систему взаимосвязанных союзов. Реформа заключалась в объединении всех военных союзов по территориальному принципу под началом военных представителей, которые становились теперь начальниками территориальных отделов новой организации – РОВС. Во главе многих военных организаций, как в Германии, так и в других странах, стояли старшие офицеры, которые часто имели чины не ниже генеральских. Соответственно, они могли не признать своего подчинения начальнику отдела, имеющему только чин полковника. Возникли бы ненужная путаница и выяснение отношений.

Еще в первые годы эмиграции у фон Лампе родилась идея публикации сборника документов и воспоминаний лидеров Белого движения. Он рассчитывал выпустить сборник документов “Белый Архив”, используя при этом часть архива Врангеля, которую ему как начальнику 2-го отдела РОВС удалось получить на хранение из рук самого главнокомандующего. Кроме того, множество документов и материалов для публикации он собрал по собственной инициативе, надеясь использовать их при написании своих мемуаров (комплекты газет “Россия” и “Великая Россия”, коллекции газетных вырезок из русскоязычной эмигрантской и немецкой прессы, систематизированные по различным тематическим разделам, служебная переписка, сводки, брошюры эмигрантских издательств и т.п.).

Но средств на издание даже небольшого сборника к 1924 -1925 гг. у РОВС и самого Врангеля уже не было. Поэтому фон Лампе решил обратиться к частным лицам, сочувствовавшим Белому движению. Сохранились два его письма к знаменитому композитору и пианисту С.В. Рахманинову, гастролировавшему в 1924 г. в Берлине.⁵ Рахманинов не отказался субсидировать сборник, но сумма, предложенная им, показалась генералу настолько ничтожной для задуманно-

го дела, что он счел нужным вежливо отказаться от подобной “помощи”.

Лишь в 1926 г., получив достаточную сумму для издания пока еще только одного тома сборника от издателя рижской русской газеты “Слово” Н.А. Белоцветова и типографские услуги в издательстве герцога Лейхтенбергского “Медный всадник”, он начал издание серии сборников, но уже под названием “Белое дело”, так как сборник документов “Белый архив” был уже выпущен Я.М. Лисовым в 1925 г.

Фон Лампе рассчитывал в результате публикации сборника улучшить и свое материальное положение: “Единственная возможность сохранить престиж положения, - писал он Кусонскому в 1926 г., - ... “демократическая работа” по архиву, о котором я уже писал тебе...”⁶

Именно этот выход во имя сохранения отдела в Германии в новых условиях был предложен ему самим Врангелем в письме от 20 января 1926 г.: “Надо сделать все, чтобы сохранить возможность Вашей работы в Германии, чему придаю исключительное значение. Как идут переговоры о Белом архиве? Это могло бы быть выходом...”⁷

Этот “выход” фон Лампе старался использовать, но момент был уже упущен: пока он доставал деньги, прошел интерес эмиграции к “выяснению отношений” между вождями Белого движения и появилось множество конкурентов в подобного рода изданиях. Тех средств, что удалось достать у Белоцветова, хватило только на издание первых книг многотомника. Однако издание позволило просуществовать отделу почти без помощи РОВС около года.

В 1926 г. Врангель оставил пост главнокомандующего, передав его вел. кн. Николаю Николаевичу, оставив за собой пост председателя РОВС.

В 1926 - 1928 гг. деятельность военной эмиграции практически замерла. Вел. кн. Николай Николаевич, вопреки ожиданиям, никакого интереса к делам не проявлял. Постепенно растаяли и надежды на возвращение в Россию. Руководство РОВС настойчивее, чем в предыдущие годы, пыталось внушить членам организации необходимость адаптироваться к условиям жизни на чужбине, находить самим средства к существованию и терпеливо ждать, когда их вновь призовут “встать под знамена”.

Процесс адаптации шел очень сложно, особенно среди старших офицеров РОВС, которые длительное время получали деньги из казны союза и испытывали вполне понятные психологические трудности при выборе новой гражданской профессии.

Дневник фон Лампе содержит массу интересной информации, ярко иллюстрирующей быт российской военной эмиграции. Вчерашние воины белых армий так и не смогли, в большинстве своем, найти достойного применения своим навыкам, реализовать тот интеллектуальный багаж и практический опыт, который был накоплен в предшествующие революции годы и во время Гражданской войны.

Все вышесказанное в полной мере можно отнести и к судьбе самого автора дневников. С горечью он констатирует собственную ненужность и неприменимость своих знаний в сложившихся условиях: “Как-то раздумался над нашим положением и пришло в голову, что все наше несчастье в том, что мы стали в буквальном смысле слова людьми без будущего. Впереди не только никаких надежд, но и даже не знал бы на что надеяться, если взять себя в руки и начать хотеть... нет, решительно ничего соблазнительного и все ограничивается тем, что мечтаем, чтобы не стало хуже... А отрывка старого есть - сегодня спал и ясно видел во сне разговор с Татой,⁸ что де мол денег нет, так надо... читать лекции в училище! Разница между сном и явью только та, что наяву денег нет и лекций не бывает!”⁹

Личная судьба автора дневников тесно переплетена с тысячами судеб таких же изгоев, бесправных эмигрантов, оказавшихся выброшенными за черту жизни без “мирной” профессии и без средств к существованию. Относительное благополучие даже самого близкого окружения Врангеля сходило на нет.

Офицеры РОВС, вынужденные сами добывать себе средства к существованию, занимались, кто чем мог.

Бывший командир кубанских казачьих частей генерал А.Г. Шкуро организовал конную труппу, выступал с ней в цирках Константинополя, в Болгарии, Сербии, Словакии. Фон Лампе вновь встретил его в 1926 г. в Берлине, когда его труппа окончательно разорилась: “Бедняга Шкуро впал в полное ничтожество. Труппа его в Бреславле ликвидирована и частично попала в Дюссельдорф - в цирк, здесь он не может найти антрепризы, т.к. все сведения о труппе неблагополучны..., жить не на что настолько, что обедать нечего и в пансион не плочено - я дал ему мелочи и две марки и он немедленно побежал покупать папиросы, т.к. курил только одну сигару, купленную на пять пфеннигов. Так проходит слава мира!”¹⁰

Некоторые старшие офицеры на последние деньги приобретали такси, иногда нанимали шоферов, но чаще сами садились за руль. Однако этот вид заработка был более популярен в Париже, нежели в Берлине.

В Париже бывший начальник штаба Русской армии и начальник штаба РОВС генерал П.Н. Шатилов работал на таксомоторе, княгиня С.А. Волконская (в прошлом - летчица, активная участница Белого движения, жена дипломата П.П. Волконского) также водила такси по улицам Парижа, чтобы прокормить семью.

В Берлине старшие офицеры РОВС нашли себе иной источник доходов. В конце 20-х - начале 30-х гг. в Германии снималось очень много “русских” фильмов, то есть фильмов, снимавшихся, как правило, по русским сценариям и посвященных жизни в России, Первой мировой и Гражданской войнам. Их снимали немецкие кинорежиссеры, которые не были достаточно компетентны во многих вопросах русской истории, да и просто русской жизни. Поэтому русские офицеры и другие эмигранты, желая заработать, могли сниматься в массовых сценах, либо получить место исторического консультанта при съемках, что считалось большой удачей.

Чтобы содержать семью, а отчасти и 2-й отдел, фон Лампе вынужден был все свое время посвятить работе на киностудии. Сначала он работал в качестве статиста, потом его стали приглашать в качестве консультанта. Условия этого труда достаточно подробно описаны в письме фон Лампе к Е.К. Миллеру, которое он счел нужным написать в ответ на полученное им распоряжение председателя РОВС № 166, запрещающее солдатам и офицерам сниматься в фильмах, неверно отражающих события российской истории и порочащих русское офицерство.

Фон Лампе пытался доказать председателю РОВС, что не имеет смысла запрещать офицерам сниматься, так как это дает возможность обеспечить существование не только их семейств, но и отдела.

По материальным соображениям в 1927 - 1928 гг. он возобновил издание сборника “Белое дело”, работал на киностудии статистом, а если везло, то консультантом, и даже попробовал написать киносценарий по роману П. Краснова “Чертополох”. Наконец, с января 1928 г. он работал распространителем издаваемого философом И.А. Ильиным в Берлине журнала “Русский колокол”.

Вся эта разнообразная деятельность позволила ему изыскать средства для того, чтобы дать приличное образование единственному ребенку. Женья, дочь Алексея Александровича и Натальи Михайловны фон Лампе, училась в бельгийском городке Брюгге, в пансионе, весьма популярном среди эмигрантов, желавшим дать своим детям “европейское” образование. Разлука с Женей стала для него настоящим испытанием. Записи в его дневнике, посвященные взаимоотношениям с женой и дочерью, свидетельствуют о его самоотверженной любви к этим

двум людям, которые были ему дороже всего на свете. Именно в этих взаимоотношениях в полной мере раскрываются характер и личность фон Лампе, они лучше всего говорят о нем как о человеке, позволяют понять мотивы некоторых его поступков, порой не самых честных и лицеприятных.

В начале 1928 г. назревал серьезный конфликт в руководстве РОВС. Против демонстративного бездействия Врангеля начал открыто выступать А.П. Кутепов и его сторонники. Они обвиняли Врангеля и его окружение в пассивности, в том, что они ушли и бросили “дело”. Фон Лампе никогда не был подробно посвящен в дела Кутепова, тем более в те из них, которые касались “работы” в России, часто он даже не был информирован о том, что происходит в Париже или Брюсселе в кругах, близких к руководству РОВС, поэтому он узнал о том, насколько серьезен конфликт, только во время своей поездки в Париж в феврале 1928 г. Во Францию начальнику 2-го отдела удалось выехать в качестве сопровождающего с одним из сотрудников киностудии, где фон Лампе работал консультантом. Убедившись, что конфликт в руководстве РОВС зашел слишком далеко, он пытался на правах старого знакомого говорить с Кутеповым, но понял, что это бесполезно и встал на сторону Врангеля, чем в значительной мере восстановил против себя будущего председателя РОВС.

После смерти Врангеля в апреле 1928 г. сменивший его на посту председателя РОВС Кутепов прекратил финансирование 2-го отдела. Единственным источником доходов оставалась деятельность фон Лампе в кинематографе. Его часто приглашали сниматься в эпизодах, и несмотря ни на какие “замечания” Кутепова по поводу того, что физиономия начальника отдела постоянно мелькает на экране, нарушая всякую “конспирацию”, он не оставлял съемки и продолжал содержать отдел на свои средства.

Кутепов вскоре был похищен агентами ОГПУ и РОВС возглавил его заместитель генерал Е.К. Миллер. Финансирование 2-го отдела возобновилось, но этих средств все равно не хватало. Миллер предложил фон Лампе взять на себя “дела” Кутепова в России. Как и другие начальники отделов, он отказался от этого “наследства”, мотивируя свой отказ тем, что “террористом никогда не был, конспирацией не занимался и “учиться” этому не хочет”.¹¹

В 1930 г. фон Лампе прекратил вести дневник. В разное время им возобновлялись бессистемные записи, имеющие в основном отношение к делам личного характера и вопросам семейной жизни. Однако он еще долгое время продолжал переписку с П.Н. Шатиловым, Е.К.

Миллером, П.А. Кусонским, Ф.Ф. Абрамовым, княгиней С.А. Волконской.

В начале 30-х гг. материальное положение эмиграции в Берлине значительно ухудшилось. “Русских” фильмов более не снимали, и вся масса военных, находивших свой дополнительный и основной заработок на съемочной площадке, вновь была вынуждена искать работу. Фон Лампе удалось найти временное место в автомобильной фирме - работал торговым агентом по распространению противоугонных устройств, но вскоре его сократили, не выплатив даже выходного пособия, лишь на том основании, что он эмигрант и не имеет немецкого гражданства.

Предвыборная истерия в Германии и вполне реальная угроза нацистского переворота, не могли оставить равнодушными русских военных эмигрантов. Крайне правые элементы “легитимистского” толка начали формирование отрядов для помощи немецким нацистам. РОВС занял позицию нейтралитета: Миллер категорически запретил “вмешиваться в дела иностранных государств” русским офицерам.

Но постепенно сбывались самые худшие предположения, касающиеся будущности эмиграции, которые генерал фон Лампе высказывал неоднократно в переписке с Миллером в 1930 - 1933 гг.: “Современный режим (Режим Веймарской республики. – Е.Ш.) хорош для нас потому, что власти относятся к нам б е з р а з л и ч н о ! (Выделено А.А. фон Лампе. – Е.Ш.) Национал же социалисты шовинистичны и будут от нас требовать “признательности” за приют или “дружбы” - а то и другое будет означать безоговорочное подчинение...”¹²

Действительно, 1933 г. стал самым тяжелым и переломным не только в политической жизни Германии, но и в судьбе самого фон Лампе. Перемены коснулись, прежде всего, жизни его семьи. Годом раньше заболела туберкулезом легких дочь Женя. Генерал основательно “влез в долги”, постоянно занимая деньги у всех своих знакомых, пока еще была надежда на ее выздоровление. Но, несмотря на все усилия родителей и врачей, здоровье ее не улучшалось и 2 декабря 1933 г. она скончалась в возрасте 19-ти лет.

Смерть Евгении стала определенным рубежом и в жизни ее отца. Именно тогда фон Лампе сделал свой окончательный выбор в пользу дальнейшей работы в РОВС и сотрудничества с нацистами. Но новая власть на первых порах обошлась с ним не слишком любезно: за несколько месяцев до смерти дочери фон Лампе был арестован политической полицией по обвинению в шпионаже. Около трех месяцев он провел в тюрьме и был освобожден по настоянию друзей, чтобы присутствовать при последних днях умирающей.

Нет ничего удивительного в том, что после смерти единственного ребенка он сосредоточил все свои силы на работе в РОВС, потому что больше в его жизни не оставалось ничего, что стоило бы каких-то усилий. Он уже не мог, как многие его бывшие сотрудники, да и большинство военных эмигрантов в 30-е гг., уйти в личную жизнь от общественных и политических интересов, так как личной жизни у генерала, можно сказать, более не было. Пожалуй, именно этим обстоятельством объясняется его неугасающая активность в последующее десятилетие.

С другой стороны, хотя и трудно представить, что после всего, что произошло, он мог питать какие-то добрые чувства по отношению к нацистам, но фон Лампе считал, что для эмиграции сотрудничество с нацистами - единственный выход из создавшегося положения, единственный шанс вернуться в Россию победителями большевиков.

Если представлять себе личность А.А. фон Лампе на основании его опубликованных работ, воспоминаний современников и тому подобных свидетельств, мы увидим перед собой человека достаточно замкнутого, порой очень несимпатичного в своем стремлении к соблюдению внешних приличий, склонного загонять самого себя в рамки общепринятых в его кругу представлений и условностей. Статьи и очерки, написанные им в период эмиграции, несмотря на то, что сам фон Лампе считал себя неплохим журналистом, представляют собой довольно сухое изложение событий, сопровождаемое не самыми глубокомысленными выводами, тогда как дневник генерала наполнен порой очень точными, порой даже ироничными замечками об окружающей действительности, о быте и психологии военной эмиграции. Он позволяет совершенно иначе взглянуть на самого автора и на окружавшую его жизнь, на тот “эмигрантский котел”, в котором “варились” изгнанные из России люди.

Дневник невозможно писать для кого-то, хотя, как мы упоминали, изначально автором такая цель отчасти преследовалась. Однако можно с уверенностью сказать, что эти записи *никогда* бы не были опубликованы самим фон Лампе без предварительной обработки, в результате которой они, скорее всего, утратили бы все свое живое своеобразие и в итоге свелись бы к сухой хронике событий, по стилю и характеру напоминающей его опубликованные работы.

Именно дневнику он доверял свои самые сокровенные мысли, очень личные проблемы, которыми никогда и ни с кем не смог бы поделиться откровенно. На страницах своего дневника он предстает перед нами как человек достаточно эмоциональный, способный к любви, дружбе, ненависти, любящий муж и отец. За долгие годы пребывания

на чужбине дневник стал для него своеобразным способом существования, формой жизни, которая позволяла ему раскрыться хотя бы перед самим собой, не прятать своих чувств и эмоций, не бояться того, что кто-то его неправильно поймет или осудит за проявление каких-то чисто человеческих слабостей.

¹ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 2-е изд. М., 1986.

² Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил юга России. М., 1997; и др.

³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 22. Л. 409.

⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 38.

⁵ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 220-223.

⁶ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 24. Л. 117.

⁷ Там же. Л. 118-119.

⁸ Тата - Наталья Михайловна фон Лампе.

⁹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 29. Л. 12.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 27. Л. 50.

¹¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 40. Л. 31.

¹² ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 44. Л. 14.